

Андрей Нарратив

*Жизнь
оффлайн*

Андрей Нарратив
Жизнь оффлайн

«Автор»

2026

Нарратив А.

Жизнь оффлайн / А. Нарратив — «Автор», 2026

Фантастический рассказ-триллер с леденящим послевкусием. Социальная драма, которая страшнее любого хоррора. От Андрея Нарратива. Новый аудиорассказ Андрея Нарратива в жанре психологического триллера с элементами мистической неизбежности. Одна квартира, одно окно и одна жизнь, разделённая на две — реальную и цифровую. Пока одни живут в лужах и дождях, другие строят империи из пикселей. Но что произойдёт, когда экран погаснет, а в дверь постучат? Рассказ написан в авторском методе сим-нарратива, где виртуальный мир становится не убежищем, а ловушкой. Без рекламы, без лишних слов — только чистая, пугающая правда о поколении, выбравшем офлайн.

© Нарратив А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Нарратив

Жизнь оффлайн

Слой первый. Нарратив

Вера сидела у окна с самого детства — так распорядилась мама, женщина практичная и уверенная, что правильное освещение формирует правильную судьбу. Стол поставили торцом к подоконнику: делаешь уроки — и дневной свет тебе в тетрадь, а заодно и весь окрестный мир в качестве бесплатного приложения. Захочешь — отвлётся на воробья, не захочешь — всё равно услышишь, как соседка тётя Зина кроет почём зря местного сантехника.

Потом под столом завёлся системный блок — сначала тихий, жужжащий, пахнувший тёплой пластмассой, потом уже как лучший друг.

На столе утвердился монитор, и мир за окном как-то сам собой съёжился до размера заставки. Нет, он никуда не делся — просто стал необязательным. Как радиоточка на кухне: вроде и говорит что-то, но можно и не слушать.

Ей было двенадцать. Возраст, когда ноги уже не помещаются под столом так же вольготно, как раньше, а в голове ещё помещается всё подряд. За окном дети прыгали через скакалку, разлиновывали асфальт мелом под классики и орали «Салочки-выручалочки!» с такой отдачей, что стёкла дребезжали в окнах.

Среди них — Юлька. Подружка с детсадовских времён, из тех отношений, которые не выбираешь, а просто наследуешь, как цвет глаз или мамину манеру поджимать губы. В школе сидели за одной партой, что окончательно закрепило их статус: «Вера-с-Юлькой» — производилось слитно, как имя мифического существа о двух головах. У Юльки были вечно сбитые коленки — она обрабатывала их зелёной так щедро, что, казалось, лечит не рану, а сам факт существования коленей. И два хвостика, которые торчали в разные стороны, как антенны, ловящие сигнал от какой-то своей, отдельной, незрелой цивилизации.

Вера видела, как Юлька носится по двору, и морщилась — почти рефлекторно, как от кислого. Пыль столбом, пот ручьями, и главное — глупость. Глупость была не в самих играх — в классики они когда-то прыгали вместе, — а в том, с какой радостной, неоправданной серьёзностью вся эта дворовая жизнь себя воспроизводила. День за днём одно и то же, как заевшая пластинка, только пластинка не потеет и не орёт под окнами.

Сама Вера в это время проходила уровень за уровнем в платформере — ярком, с динозавриками, которые существовали по куда более внятному закону. Динозаврики прыгали под пальмами, собирали бананы и никогда не потели. Они умирали красиво — исчезали вспышкой пикселей — и так же красиво воскресали с новой попытки, без единого намёка на сбитую коленку или необходимость мазаться зелёной. Это был мир, очищенный от физиологии, и Вера ценила эту чистоту, как ценишь тишину, в которой наконец-то можно расслышать собственные мысли — или их отсутствие.

Когда Юлька махала ей с улицы — а махала она всякий раз, стоило заметить Верин профиль за стеклом, — Вера испытывала что-то среднее между досадой и стыдом, но таким слабым, что и чести назвать это чувство не было. Она нехотя поднимала ладонь — не помахать, а так, обозначить факт наличия руки, — и тут же возвращала её на мышку, пока жест не превратился во что-то большее, чем техническая помеха. Раздражало. Не Юлька сама по себе, а то, что она всё ещё числится в друзьях и по этому поводу чего-то хочет. Будто отвлекают от важного. А важное — оно ведь на экране, оно мигает, требует реакции, не прощает пауз. В отличие от дружбы, которая пока что терпит.

В четырнадцать Вера открыла для себя виртуальные миры — и это было не увлечение, а, если называть вещи своими именами, исход. Там, внутри, всё было устроено понятно: качаешь персонажа — он растёт, вступаешь в клан — ты не один.

Убиваешь дракона — получаешь награду. Причинно-следственная связь, работающая без перебоев, как автомат с газировкой. Реальность таких гарантий не давала и даже не обещала.

У Веры был ник, похожий на имя эльфийской принцессы, — она сама его придумала, долго перебирала слоги, как бусы, пока не сложилось нечто, звучащее нездешне и потому особенно её.

Её голос в наушниках — спокойный, командный, чуть ниже, чем в жизни, — она тоже его сделала. Не подделала, а именно сделала: так плотник делает табуретку — из подручного материала и по своим меркам. И этот голос вёл за собой рейды из сорока человек. Сорок живых людей, у каждого где-то тело, сердце, несвежая футболка, мать, требующая ужинать, — и все они слушали её, потому что она знала, куда идти и когда бить. Власть, не отягощённая необходимостью эту самую футболку видеть.

А за окном по вечерам стояли под фонарём компании с сигаретами и банками дешёвого пива. Юлька стояла там же, прислонившись плечом к какому-то мальчику, — не то чтобы опиралась, но и не отделялась. Вера однажды увидела это ночью, когда от монитора оторвал не интерес, а простая необходимость дожевать кусок холодной пиццы, который иначе бы совсем окаменел. Откусила, глянула в окно — и замерла. Юлька целовалась. Мальчик держал её за талию — той хваткой, которая бывает у юношей, ещё не привыкших держать девушек и потому слегка пережимающих, как новичок пережимает гриф гитары. Вера смотрела минуту — ровно минуту, не больше, потому что во рту был сыр, а на запястье висела секундная стрелка какого-то внутреннего секундомера, отмеряющего дозволенную паузу.

Потом перевела взгляд на монитор. Там, в чате гильдии, её персонажу дарили редкий меч — за верность клану. Не за красивые глаза, не за то, что стояла с кем-то под фонарём, а за конкретный, зафиксированный системой вклад. Меч сиял, как и положено редкому мечу в плохо освещённой таверне.

Вера улыбнулась — не широко, а уголками губ, словно пробуя улыбку на вкус и не решаясь проглотить целиком. «Дура, — сказала она тихо, ни к кому, но и не в пустоту: в конце концов, под окном стояла вполне конкретная дура. — Которая играет в реальность». И в этом «играет» — снисходительном, почти сочувствующем — уже не было ни обиды, ни зависти. Только чистая, незамутнённая горькая ирония человека, который точно знает: настоящая игра — та, где можно сохраниться.

В семнадцать она пересела на шутеры. Контр-Страйк, потом что-то новее — какая, к чёрту, разница, если принцип один: ты, противник и доля секунды на всё. Виртуальные миры с их долгоиграющими драконами и гильдейской дипломатией осталась в прошлом — там было слишком много слов, а слова, как выяснилось, мало что весят. В шутерах имели значение только реакция, тактика и хладнокровие. Реакция у Веры была отменная — не та, что ловит падающую чашку, а та, что считывает траекторию противника за миг до его появления. Тактика — это когда ты на две головы выше всех не потому, что тебя так мама родила, а потому что ты уже мысленно стоишь в том углу карты, куда остальные только бегут. Хладнокровие — это когда пульс не частит, а руки не потеют, даже если от твоего выстрела зависит исход матча. Вера всегда была в топе, и это «всегда» не имело ничего общего с везением — просто она нашла пространство, где её странность оказалась конкурентным преимуществом.

В школе её, разумеется, считали странной. Не гуляет. Не красится. Сидит вечно в своём окне, как заспиртованный экспонат в банке. Одноклассницы красили ресницы так, будто от этого зависело их будущее, и обсуждали мальчиков с интонациями биржевых аналитиков, а Вера слушала всё это краем уха и думала о том, как смешно выглядят их волнения из окна

комнаты, где настоящая жизнь происходит в наушниках. Юлька всё ещё иногда махала рукой — теперь уже из подъезда напротив или с остановки, торопливо, почти ритуально, словно пыталась подтвердить: мы всё ещё существуем на одной волне. Вера кивала — коротко, без улыбки, как кивают старой знакомой из уважения к стажу знакомства, — и отворачивалась к монитору, где ждали дела поважнее.

Зависть приходила волнами. Не часто, но прицельно — накатывала в самые неудобные моменты, когда защита была ослаблена. Например, когда Вера увидела свадебный кортеж. Белая машина — лаковая, вся в лентах, как в бинтах, только радоваться почему-то нечему. И Юлька — выпархивает из подъезда с дурацкой фатой, цепляющейся за всё подряд, счастливая донельзя, и вокруг все хлопают, как будто она только что доказала теорему Ферма, а не просто вышла замуж в восемнадцать лет.

Вера стояла у окна с кружкой остывшего чая — чай стыл, пока она наблюдала, и теперь был той температуры, которую принято называть «комнатной», хотя комната тут ни при чём. На подоконнике, уже две недели, лежала пригласительная открытка: Юлька приглашала Веру на свою свадьбу, а внизу, крупным шрифтом, был выведен номер телефона — по нему требовалось подтвердить своё присутствие.

Вера за две недели уже перечитала это «подтвердить» раз десять, но рука к телефону так и не протянулась.

Сейчас она смотрела на всё это действие и пыталась найти в себе что-то кроме пустоты и холодного интереса исследователя.

Не нашла — или сделала вид, что не нашла.

Потом села и провела рейд на двенадцать часов. Двенадцать часов без перерыва, с одним только чаем, который давно кончился, и с пятном от кетчупа на футболке. Никто из сорока человек не знал, что их лидеру восемнадцать и на ней футболка с этим самым пятном. Что она только что видела, как её бывшая подруга уезжает в белой машине, и что за окном до сих пор, валяется рис и цветочные лепестки от свадебного осыпания. Им это было не нужно — им нужен был голос в наушниках, спокойный и командный, который вёл к победе. А всё остальное — возраст, пол, пятна на одежде, несостоявшиеся дружбы — оставалось за кадром, как системные требования, которые никого не волнуют, пока игра работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.